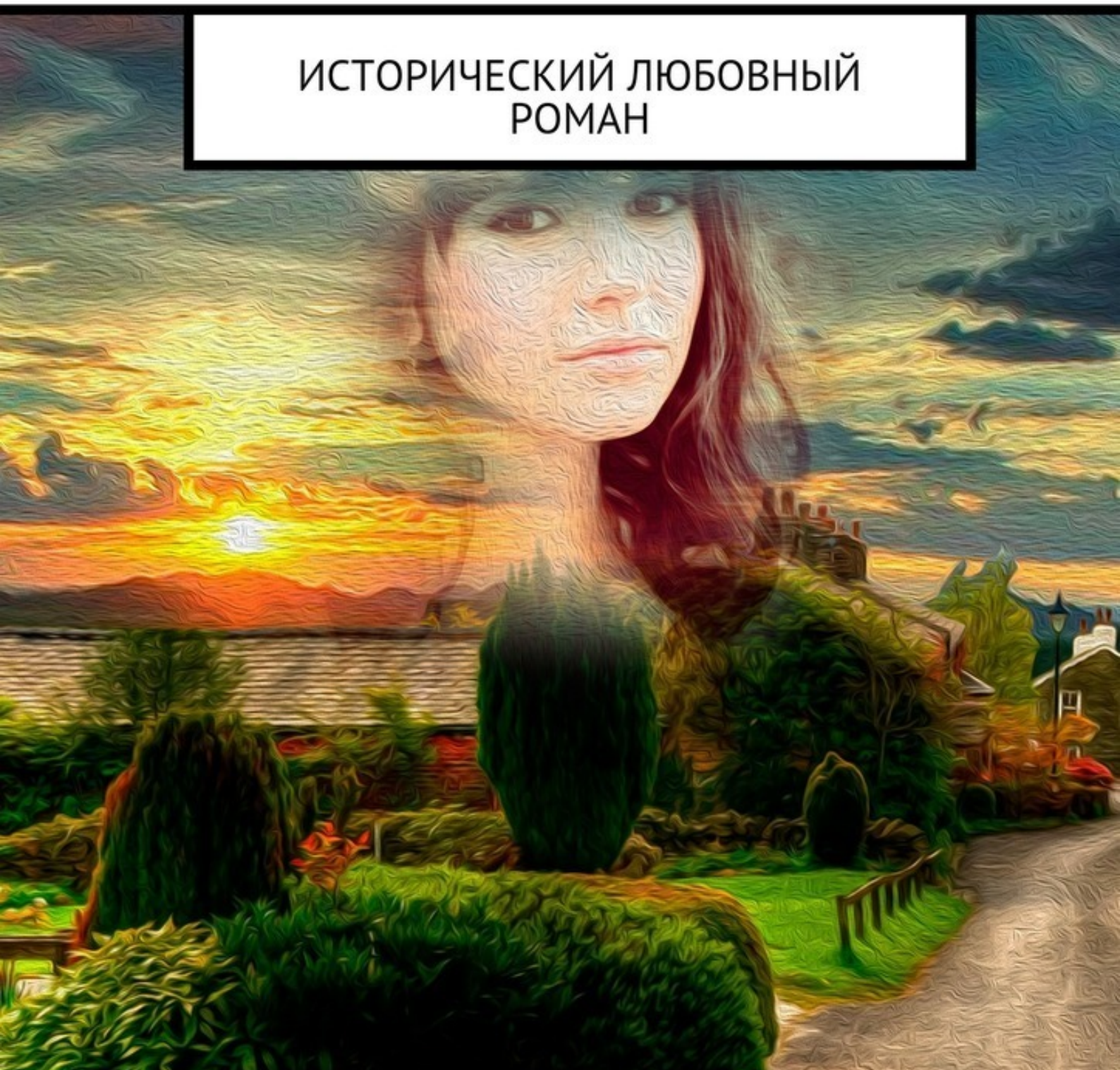

ХЕЛЕН УОТСОН

Тина

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЛЮБОВНОЙ
РОМАН

Хелен Уотсон

**Тина. исторический
любовный роман**

«Издательские решения»

Уотсон Х.

Тина. исторический любовный роман / Х. Уотсон —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748967-0

Как выжить женщине без приданного, без нужных связей, не обладающей яркой красотой или порочным характером, в мире, где всё подчинено мужчинам, и в обществе, где следят за каждым твоим шагом? Могла ли гувернантка в 19 веке найти своё счастье в обществе, в котором она являлась существом второго сорта для знати и буржуазии, и слишком воспитанной и учёной для низших слоёв?

ISBN 978-5-44-748967-0

© Уотсон Х.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	18
Глава 6	22
Глава 7	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Тина
исторический любовный роман
Хелен Уотсон

© Хелен Уотсон, 2016

© Nikolaev Vitaly, иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

1848 г.

Тина направлялась в комнату Молли, показать и прочесть ей письмо из Нориджа. Она улыбалась и действительно была рада получению важного известия. Стукнув два раза в дверь, она вошла в небольшую комнату, просто обставленную, как и ее собственная. Молли что-то писала: наверное, проверяла уроки учениц.

– Послушай, дорогая Молли! Мне, наконец-то, предложили место гувернантки в очень богатом доме! – радостно проговорила девушка.

– О, я рада за тебя. И что пишут?

– Письмо из Нориджа. Через месяц я еду туда, в поместье лорда Нориджа, Саут-Холл. Я буду наставницей двух его дочерей Оливии и Элизы: одной одиннадцать, а второй двенадцать лет.

– Ты хочешь поехать? Я бы не поехала, мне и здесь хорошо. К чему смотреть на богатство и высокомерие Высшего общества?

– Но, Молли, дорогая, я не могу больше здесь оставаться, хочу перемен. И потом, в городе все смотрят на меня, как на невесту пастора. Я отказала мистеру Линчу два раза, а он все еще питает какие-то надежды в отношении меня.

– Я б согласилась на твоём месте, множество поклонников нам не светит, а жизнь нужно устраивать. Джентльменам мы не особо нужны без гроша в кармане, да и не обладаем прелестной красотой.

– Все так, но я не люблю мистера Линча и, скорее всего не выйду замуж, да я и не мечтаю о браке.

– Я тоже не мечтаю, но мне не делали предложений.

Молли была старше Тины всего на год, но они были не особо похожи друг на друга. Молли являлась светловолосой девицей с серыми глазами, с обычными чертами лица, обладала бесцветными бровями и ресницами, что придавало ей унылый вид. Тогда как Тина была шатенкой с большими карими глазами, внутри которых сияло ясное солнце, и, соответственно, обладала темными выразительными бровями и ресницами, но по канонам греческой красоты ее нельзя было назвать красавицей, хотя бы потому, что имелся крупный рот и немного упрямый подбородок. Что касается фигур сестер, то о них лучше судить мужчинам, ибо это их прерогатива, скажу только, что Молли была среднего роста, плотного телосложения, а Тина более хрупкого телосложения, но они носили такие темные и глухие платья, что нельзя было составить определенного мнения об их прелестях.

Их родители являлись обедневшими дворянами, оставшимися без своего маленького поместья из-за долгов отца мистера Нолтона, его пришлось продать и переехать в город. Здесь мистер Нолтон пошел работать адвокатом, ибо он имел образование, как следовало дворянину. Нолтон женился на дочери ювелира, от которой у него появились две дочери и сын. Не сказать, чтобы Нолтоны жили впроголодь, но и не шиковали. Когда девочкам исполнилось по 9 – 10 лет, отец их умер. Мать была в отчаянии. Все, что накопил мистер Нолтон, было так мало. Девочек она отдала в пансион для сирот, чтобы уменьшить расходы, а сына оставила при себе. Очень редко она посещала дочерей, а года через три вышла замуж за ростовщика. Девочек перевели в более престижный пансион, но домой их не забрали. Мать писала им письма о себе, о муже, их брате, и все жаловалась на то, что пока не может их забрать, так как они живут в тесном доме. Потом, у нее родился еще один сын, и она стала реже писать.

Сестры были убеждены, что стали обузой для матери и свыклись с мыслью, что останутся в пансионе до конца своей юности.

За две недели до отъезда Тина предупредила пастора Линча о нем. Тот выразил свое огорчение не только словами, но и мимикой лица. А, перед самым отъездом в Норидж она пришла в церковь, чтобы помолиться о спокойном пути и попрощаться с пастором. Он выразил свои сожаления, пожелал счастья и посмел надеяться увидеть ее в этих краях однажды.

Прощаясь друг с другом, сестры заверили, что будут часто писать, сообщать все новости о себе.

На почтовых лошадях Тина добралась до Нориджа за три дня. Саут-Холл оказался обширным поместьем, а до моря было всего несколько миль. Что касается особняка, то для Тины Нолтон, неискушенной в лицезрении дворцов и поместий, он показался большим и величественным.

Позже, от экономки она узнает, что Саут-Холл принадлежит лордам и наследуется по прямой линии. Жаль только, что у мистера и миссис Норидж нет сына.

Леди Норидж была дамой величавой, высокого роста, элегантной и чуточку высокомерной. Но она лично показала Тине комнату, где ей придется жить все это время.

– Я надеюсь, – говорила леди Норидж, – вам понравится комната. Ведь, вам, мисс Нолтон, мириться с ней долгое время, если все будет хорошо, и вы нам понравитесь.

– Да, миссис Норидж, – только и могла сказать Тина.

Комната, находящаяся на территории прислуги, была недурна и удобно обставлена. В пансионе ее комната была в три раза меньше и проще.

Когда Тина разложила все свои вещи по шкафам и сундукам и полностью обосновалась, она оживила ее цветами и пейзажем, что сама написала.

На следующий день ей представили двух маленьких мисс Норидж: Оливию и Элизабет. Как и положено девочкам – погодкам, они всегда играли вместе, и всюду их можно было увидеть рука об руку. Обе были светловолосые, улыбчивые, задорные, но не взбалмошные. Их отец, достопочтимый лорд, редко бывал в поместье и ничем не был примечателен в глазах Тины, кроме того, что много рассуждал о судьбе Англии и о политике.

Девочки быстро привыкли к мисс Нолтон и прилежно учились под ее началом. Они боялись, что гувернантка окажется слишком строгой и скучной, но мисс Нолтон увлекательно им рассказывала уроки и не наказывала за пустяки, и главное – не жаловалась их матери. Тина не собиралась жаловаться, так как видела прилежность своих воспитанниц, а также их способности: одна проявляла интерес к живописи, а вторая любила играть на фортепиано.

За две недели Тине удалось изучить окрестности Саут-Холла во время прогулок с воспитанницами, посетить город и, разумеется, его церковь. А, через два месяца мисс Тину Нолтон знал почти весь Норидж, принимали ее за свою и не имели против девушки никаких предубеждений. Да и как иначе? Она исправно ходила в церковь, была скромна, благочестива, хорошо воспитана и ничем не выделялась. Разговаривала Тина спокойным, иногда тихим голосом, имела привычку опускать глаза из застенчивости, фразы ее имели стройный ряд.

Основное время Тина проводила в поместье, занимаясь девочками. В свободное время она гуляла в парке, читала, рисовала что-нибудь или писала письмо сестре Молли. На кухню ее не пускали, полагая, что помощь гувернантки не входит в правила дома. Все занимались своим делом. И хотя пару раз Тина предлагала свою помощь приготовить ужин или завтрак, служанки вежливо мотали головами. Экономка миссис Чат на ее вопросы отвечала, что леди Норидж строга в соблюдении правил. Тина, часто готовившая в пансионе пищу, скучала по кухне и ее запахам. Но те не менее миссис Норидж иногда разрешала ей ходить за покупками в город с миссис Чат. Так можно было отвлечься от однообразия и спокойно поболтать по дороге. Мис-

сис Чат слыла женщиной словоохотливой и незлобивой, а если любила кого-нибудь покритиковать, то по-справедливости, как она считала.

Бродя по рынку в поисках экзотических фруктов и орехов, женщины смеялись и разговаривали. Впрочем, в основном говорила миссис Чат: она рассказывала очередную историю о Мери и ее сыновьях из деревеньки, стоявшей отсюда неподалеку. И вот найдя лоток с нужными продуктами, миссис Чат переметнула свое внимание на торговца, а Тина отошла. Тут ее вежливо попросили пропустить. Она обернулась и подчинилась. Человек, что обратился к ней, оказался местным врачом. Узнав девушку, он приподнял шляпу и остановился.

– Мисс Нолтон, приятно встретить вас здесь.

– Я не ожидала встретить вас на рынке, мистер Джонс.

– Я редко здесь бываю. Для этого у меня есть служанка Марта, но сейчас время простуд, она болеет. Не мог же я послать больного человека за покупками.

– О, конечно, нет! Вы очень великодушны.

– Стараюсь. В Саут-Холле все здоровы?

– Слава Богу, да. Правда, Оливия немного шмыгает носом.

– Я приду посмотреть ее. Простуда может быть опасной.

– Мы вам будем очень признательны, мистер Джонс.

– А, мне будет приятно вновь увидеть вас, мисс Нолтон. До встречи в Саут-Холле.

– До свидания.

Мистер Джонс был отличным врачом, в Норидже его уважали и доверяли, как лекарю. Он мог лечить всех, включая очень бедных или состоятельных, таких как Нориджи. Ему было около тридцати, ростом среднего, телосложением мистер Джонс был худощав. Тина всегда видела в нем лишь врача, того, кто помогает людям. На узком смугловатом лице Джонса всегда присутствовала любезная улыбка. Иногда, выполняя какую-нибудь работу, он поджимал тонкие губы.

Миссис Чат всю обратную дорогу расписывала положительные качества доктора. Она заметила, что мистер Джонс с интересом смотрит на девушку. Главное, завершила свою речь экономка, он не женат.

Глава 2

Оливия с покрасневшим носиком смешно смотрелась. Мисс Нолтон сидела рядом на стуле, читая ей вслух о благородном рыцаре новеллу, когда в комнату девочек вошел доктор Джонс. Он сразу же направился к больной, сидевшей на кровати и укутанной в одеяло. Тина, перестав читать, с застенчивой улыбкой следила за осмотром Оливии.

– О, доктор, – взмолилась больная, – за эту неделю вы посещаете меня в третий раз! Неужели, это так необходимо?!

– Конечно, мисс Норидж.

– Я уже поправляюсь, а мисс Нолтон почти не отходит от меня.

– Мисс Нолтон, должно быть, ангел?

– Совсем нет, – ответила Тина, – я отвечаю за своих воспитанниц, – и добавила, смутившись от заинтересованного взгляда доктора Джонса, – у Оливии жара нет, и чувствует она себя замечательно. Вам не стоит так сильно беспокоиться.

– Мне не в тягость приезжать в Саут-Холл, мисс Нолтон.

– Мисс Нолтон, скажите Мери, чтобы она принесла чай для мистера Джонса, – попросила Оливия.

– О, моя маленькая пациентка, спасибо, но я не хочу чай.

– Жаль...

– Вы, верно, продрогли? – поинтересовалась Тина, не зная, о чем еще говорить, – на улице весь день льет дождь.

– Я привычен ко всякой погоде и тепло одет.

– Элиза так мечтала сегодня о прогулке, но дождь все испортил.

– Я бы не советовал часто гулять осенью

– Ну и хорошо, что дождь! Я хотя бы не одна дома! – радовалась Оливия.

На пороге возникла миссис Чат, поинтересовавшаяся о надобностях доктора, но тот от всего отказался.

Когда мистер Джонс откланялся, миссис Чат вполголоса, подойдя к Тине довольно близко, произнесла: «Что-то доктор зачастил неспроста. Мисс Нолтон, вы бы поощрили его».

– Чем же я его поощрю? Он меня вовсе не интересуется.

– Как же так? Он – хороший человек, под боком будет личный врач, – экономка усмехнулась.

– Я знаю, что мистер Джонс очень хороший человек, но, к сожалению, я более ничего к нему не испытываю, кроме уважения.

– В браке больше ничего не нужно, мисс Тина. Все остальное лишнее.

– Быть может, вы ошибаетесь насчет доктора Джонса? Он несколько не заинтересован мной.

– Ой уж! Я-то не вчера родилась, мисс Тина!

Осень выдалась знобливой и хмурой. Затем наступила холодная зима. Девочки, слабые здоровьем, постоянно простужались и болели. Хозяйка Саут-Холла тоже пару раз лежала с жаром. Что касается Тины, то она переносила все в легкой форме, поэтому могла ухаживать за больными. Мистер Норидж почти всю зиму провел в Лондоне. А доктор Джонс был в Саут-Холле постоянным посетителем в виду своей профессии. Итак, как он и Тина проводили много времени у постелей больных, это их намного сблизило, хотя девушка по отношению к нему

испытывала разве что уважение. Она не мечтала о нем, как мужчине или муже, не хотела прикоснуться, приласкать, как об этом пишут в романах о влюбленных.

Весной доктор Джонс начал форсировать события, что весьма отпугнуло мисс Тину. Миссис Чат всячески содействовала доктору, ввиду положительного к нему расположения. Тина осталась непробиваема, что крепостная стена. Отправляясь с мистером Джонсом на прогулку вдвоем, Тина ощущала потребность сбежать, и лишь уважение и воспитанность останавливали девушку. Вообще, он остался для нее чужим. И на вопрос мистера Джонса: «Хотела бы она видеть его чаще, а быть может каждый божий день?», она ответила, что им не стоит так часто встречаться. Улыбка пропала с лица доктора, и он больше не возвращался к этому вопросу. За неимением пациентов, он теперь редко бывал в Саут-холле. Они случайно могли встретиться в городе или в церкви. Мистер Джонс приветствовал ее и справлялся о Нориджах, и об ее здоровье. В душе Тина сожалела, что не может ответить на склонность Джонса, но разве можно приказывать сердцу.

Летом миссис Норидж собралась в Лондон, навестить некоторых родственников и, как она выражалась, повращаться в высшем обществе. Девочек тоже решили взять с собой, соответственно и мисс Нолтон.

Вообще, Лондон Тине не приглянулся: показался ей тесным и шумным, грязным. Во время визитов она не сопровождала девочек, но, когда отдавали визит Нориджам, Тина должна была присматривать за Оливией и Элизабет.

Так как природы рядом не имелось, мисс Тина с девочками облюбовали городской парк. Здесь Тине казалось, что воздух более свеж и чист.

На вторую неделю пребывания в Лондоне Тина написала письмо сестре в пансион, отметив новый адрес. Молли ответила ей сразу же, письмо от нее пришло через неделю. Она возмущалась тому, что Тине не нравится в столице, и просила приглядеться, вдруг на нее кто-нибудь обратит внимание. Также в письме было немного посвящено их матери: «...недавно получила письмо от нашей матушки, она не ведает, что ты уехала в Норидж, но я ей все написала. Матушка надеется, что у нас дела благополучны. Как всегда, она жалуется на недостаток времени и на сыновей-шалопаяв. Странно то, что мать все еще помнит нас. Я, по справедливости, не помню ее лица. Но Бог ей судья...». Тина была немного расстроена известием о матери: она до сих пор жила надеждой, что матушка позовет дочерей к себе, но та и не думала об этом. У Тины не укладывалось в голове, как можно так надолго или навсегда расстаться со своими детьми. Быть может, виноват ее нынешний муж? Наверное, он не хочет кормить лишних два рта?

К осени все вернулись в Норидж. Тина радовалась Саут-Холлу, как родному дому или почти родному. В ноябре в поместье съехались многочисленные друзья и родственники леди и лорда Норидж. Они должны будут гостить без малого до Нового года. Все самые лучшие комнаты были протоплены, вылизаны до блеска и избавлены от пыли. Леди Норидж напутствовала мисс Нолтон такими словами: «Я все эти недели буду занята гостями, мисс, а вы хорошенько присматривайте за моими девочками». Тина кивнула, присев в почтительном реверансе.

День настал. Дамы в пышных криолинах и кружевных шляпках на меху вошли в Саут-холл, весело переговариваясь и стрекоча, что кузнечики. Мужчины-франты и скромнее появились следом. Леди Норидж пригласила всех в гостиную: всего было четыре женатых пары, одна вдова и один холостой молодой человек, и трое детей. Представив своих дочерей Оливию и Элизу, леди Норидж отправила их играть и попросила взять с собой приезжих детей. Двое из них были брат и сестра, а третья – девочка лет шести оказалась довольно взбалмошной особой. С нею была нянька, которая позволяла все что угодно хорошенькой мисс Габи и потакала любому ее капризу. Остальные дети не слушали девочку, поэтому она постоянно ныла. Мальчику приглянулась Оливия, их часто можно было видеть вместе. Элиза нашла себе подругу в лице его сестры, так как они были сверстницами. Как-то вечером, сидя в детской

комнате, Тина читала роман о любви, а дети играли. Оливия спросила у Эммы, почему они без гувернантки. На что мисс Эмма ответила:

– Мамочка недавно рассчитала нашу гувернантку, так как та вышла замуж за молочника. Она заметила, что мисс София стала мало уделять нам времени и больше занята другими делами.

– Скоро матушка найдет другую, не хуже вашей, – вставил Бобби.

Тину немного задело, что о ней высказались в столь пренебрежительном тоне, да еще какой-то мальчишка, а потом она вспомнила, что аристократы воспитаны в высокомерии и унижении более низкого по происхождению.

Когда мисс Нолтон выводила деток на прогулку, то была похожа на заботливую мамашу. Мистер Темпл за неимением пары стал гулять с Тиной, и потом она не возражала. Из разговоров с ним Тина узнала, что Темпл являлся дальним родственником лорда Нориджа, но не очень богатым. Вот, что он говорил:

– Родители мечтают, чтобы я нашел себе состоятельную невесту, а родство с мистером Нориджем и его связи должны весьма помочь мне.

– Что ж, желаю вам успеха на сем поприще, – произнесла Тина, почувствовав неприязнь к нему после этого признания.

– Благодарю, мисс Нолтон.

– Надеюсь, вы полюбите девушку не столько за ее состояние, а сколько за ее характер.

– Я тоже мечтаю о такой гармонии, но... Вот вы, мисс Нолтон: вы имеете какое-либо состояние?

– Если б имела, разве я работала бы гувернанткой?

– Ох, и то верно! Вам будет довольно трудно выйти замуж.

– Я и не думаю о замужестве.

– Как же так?! Каждая девушка думает о замужестве и о детях, я так думаю! Я вам не верю.

– То ваше право, мистер Темпл.

С каждым новым общением молодой человек становился для Тины все более неприятным. Его циничные рассуждения вызывали у девушки тошноту. Ему мерещилось, что все только и хотят, что урвать кусок больше. Если попробовать описать мистера Темпла внешне, то вот каким он предстанет: рост ниже среднего, худющий донельзя, шея длинная и вытянутая, как у гуся; блондин с мертвенно-бледной кожей и что смешило Тину более всего, так это его постоянная боязнь замерзнуть. Он кутался теплее любой барышни, и жаловался на сквозняки. Часто он говорил: «Как жаль, что в этот раз у мистера Нориджа нет ни одной богатой девицы на выданье...» Он так был уверен в своей неотразимости и огромном успехе у противоположного пола, что мисс Тина не могла понять, откуда сие заблуждение. Она старалась избегать его, меньше общаться, ибо и ее огромному терпению пришел конец. Видимо, поведение Тины не ускользнуло от его внимания, и он пожаловался миссис Норидж.

Хозяйка в одно прекрасное декабрьское утро вызвала мисс Нолтон в свои покои. Она готовила свое лицо к предстоящему дню, умащивая кожу всевозможными кремами и мазями; на голове леди Норидж красовался огромный чепец.

– Мисс Нолтон входите. Как дела у моих дочерей?

– У них все замечательно. Правда, я думаю, деток нужно посмотреть доктору, они все немного простужены.

– Хорошо, я вызову мистера Джонса.

– Я могу сама сходить за доктором, мадам.

– Не стоит, мисс Нолтон. Я хотела бы, чтобы вы больше общались с мистером Темплом. Он чувствует себя немного одиноким.

– О, леди Норидж, но я не могу уделять мистеру Темплу больше внимания, чем детям!

– Прошу вас, мисс Нолтон, исполняйте, пожалуйста. Ему недостает общения с молодыми незамужними леди. И хотя вы не являетесь леди, но вы подходите ему по возрасту для простого общения.

– Слушаюсь, миссис Норидж.

Глава 3

Осмотреть детей доктор Джонс приехал после обеда. Мисс Тина сидела с детьми, чтобы было меньше возможности у Темпла встретить ее.

– Как поживаете, мисс Нолтон? – любезным тоном поинтересовался доктор Джонс.

– Как всегда, у меня все по-старому, доктор.

– Мы давно с вами не виделись.

– Да. Летом мы уезжали в Лондон.

– Вы, верно, были счастливы повидать столицу?

– Да, я рада, что повидала Лондон, но мне там не понравилось. Жизнь в столице не для меня.

– Да, я был пару раз в Лондоне: он меня тоже несколько не привлек. Видно, мы с вами люди одного склада.

– Да, быть может... Желаете чаю?

– Я не откажусь.

– Вы согласитесь пить чай на кухне?

– О, конечно, да.

– Что у девочек?

– Все в норме, но кое-что я выписал.

Миссис Чат встретила на кухне молодежь с улыбкой на все лицо. Усадила доктора Джонса на почетное место, то есть на свое, а Тину – рядом с ним. Экономка безумолку трещала, не давая им вставить слово. Им приходилось только пить чай и улыбаться друг другу. Их мирное чаепитие нарушил мистер Темпл, явившийся на кухню неизвестно для чего. Он вел себя довольно нагло и вызывающе. Грубо приказал налить ему чай, уселся рядом с мисс Тиной и потребовал печенье. Миссис Чат, закусив губу, все требуемое поставила перед ним. Тина осмелилась спросить:

– А что с обществом леди Норидж?

– Они все ушли отдыхать по своим комнатам, а мне что-то скучно. Узнав, что вы на кухне, я, разумеется, пошел сюда. Но вы не одни, мисс Нолтон.

– Позвольте представить вам мистера Джонса, доктора из Нориджа. Он осматривал детей.

– Очень приятно, – он кивнул.

– Мистер Темпл родственник лорда Нориджа, – представила Тина молодого человека доктору. Доктор, допив свой чай, откланялся. У него было еще несколько пациентов.

– Вам нравится общество этого докторишки? – спросил напрямик Темпл. Миссис Чат чуть не уронила тарелку, а Тина ощутила внутреннее раздражение.

– Что здесь плохого?

– Абсолютно ничего.

– Что ж, я, пожалуй, пойду, отдохну, пока дети спят, – Тина встала из-за стола и направилась к себе. Но мистер Темпл и не собирался оставлять девушку в покое. По дороге в ее комнату он докучал ей уговорами поиграть в карты, в шашки или прогуляться, но она осталась непреклонна.

На этом его отталкивающий нрав не закончился. На следующий день миссис Норидж сама зашла в детскую, окинула ее придирчивым взглядом и позвала Тину с собой. В коридоре она медленным тоном начала:

– Мисс Нолтон, я слышала, что вы не занимаетесь детьми, а увлеклись доктором Джонсом?

– Я?! Миссис Норидж, вы несправедливы ко мне! – Тина догадалась, откуда ветер дует.

– Что у вас с доктором?

– Ничего, миссис Норидж. Мы просто пили чай.

– Вы в курсе или, скорее всего, нет, что я не буду держать у себя замужнюю гувернантку? Так что передайте мистеру Джонсу, что содержать вас будет он один.

– О, но я не собираюсь замуж за мистера Джонса или кого-либо еще, мадам.

– Отлично, я удовлетворена вашим ответом.

Мистер Темпл, казалось, был счастлив тем, что насолил Тине Нолтон. Считая ее существом ниже себя по происхождению, мистер Темпл тем самым решил вознести себя еще выше. Показав свое влияние на леди Норидж, молодой человек хотел показать, что Тина никто в этом доме, всего лишь служанка. Мисс Нолтон ни на что не претендовала и поэтому оставила выходки Темпла без ответа. Жаль только, что мистера Джонса не стало видно в Саут-Холле. От миссис Чат Тина узнала, что хозяйка сменила доктора Джонса на более опытного, мистера Либерштейна. Тот был намного старше, имел семью и все в том же духе.

Гости разъехались после рождества, а вместе с ними и мистер Темпл. Нориджи, да и весь Саут-Холл, зажили прежней спокойной жизнью. Леди и лорд Норидж навещали соседей в знак уважения и любезности, а те наносили ответные визиты.

Тина каждое воскресенье ходила в церковь, там она часто сталкивалась с мистером Джонсом. Он дружелюбно ее приветствовал, но к удивлению девушки, не подходил и не разговаривал с ней. Удручало, конечно, что она потеряла хорошего друга в лице мистера Джонса. Миссис Чат посоветовала Тине выяснить, в чем дело, самой заговорить с доктором. Такая возможность девушке выдалась только через два месяца, ибо он был в отъезде. После окончания службы в церкви Тина догнала доктора Джонса и пошла в ногу с ним:

– Доброе утро, доктор Джонс. Я слышала, вы уезжали из города?

– Приветствую вас, мисс Нолтон, – он приподнял шляпу, при этом лицо его покраснело. Неужели, доктор смущен?

– У меня заболел дядя. Нужна была срочно моя помощь. Кажется, у Нориджей теперь другой доктор?

– Да. Доктор Либерштейн.

– Весьма опытный врач. Я учился у него.

– Мистер Джонс, еще до отъезда, вы, может быть, помните, почему избегали меня?

– Простите, если обидел, мисс.

– Я просто хочу понять.

– Леди Норидж ясно дала мне понять, что более не желает меня видеть в Саут-Холле.

– О, мне так жаль, доктор Джонс.

– Я потерял отличный заработок, но и это не главное, мисс Нолтон.

– Что же еще?

– Она запретила мне общаться с вами, где бы то ни было.

– О! Да как она смеет?! И вы ее послушались?

– Что мне оставалось? Леди – хозяйка Нориджа. Одно ее слово, и я растеряю всех клиентов.

– Я понимаю.

– Простите, мисс, если что ни так.

– Что вы, мистер Джонс, мне не за что на вас сердиться! Я знаю, кто всему виной, но тот гадкий человек был здесь гостем.

– Мне пора, мисс Нолтон.

– Прощайте, мистер Джонс.

Придя в Саут-холл, Тина рассказала миссис Чат о разговоре с доктором Джонсом. Та поплевала в сторону мистера Темпла, но и слабоволие и малодушие Джонса тоже не похвалила. «Вот что значит любовь мужчины! – возмущалась она, – одно лишь препятствие, и она вдруг исчезает! А, он идет на попятную!». Тина улыбнулась словам миссис Чат и сказала, что любовь

доктора Джонса, если она и была, ее никогда не волновала. «Жаль только, что из-за меня он потерял расположение леди Норидж».

Зимой мистер Джонс женился на дочери торговца безделушками, мисс Кэтрин. Она была спокойной особой, ни яркой внешности, ни острого ума, но мистеру Джонсу не нужна была звезда. Тина узнала о свадьбе от миссис Чат, которая была в числе приглашенных. «Было все скромно, – говорила Чат, – мистер Джонс виделся счастливым, его невеста широко улыбалась, но лицом она не симпатичнее вас. Дурнушка ей-богу...»

Увидела Тина молодоженов в городе, в магазине тканей. Она решила поприветствовать их. Мистер Джонс, покраснев, представил ей свою жену. Девушка протянула руку новоиспеченной миссис Джонс с добродушной улыбкой. Та ответила ей тем же и стала рассказывать о том, что мистеру Джонсу срочно нужен новый гардероб. У Тины о Кэтрин не сложилось никакого мнения, поэтому о встрече с Джонсами она не стала рассказывать миссис Чат.

Глава 4

1853 г.

Оливию стали вывозить в Свет. Она достигла того возраста, когда девушкам начинают подбирать мужа. Ее показывали обществу уже целый год. Теперь ей исполнилось семнадцать, и Оливия решила непременно выйти замуж. Элизабет, которой через пару месяцев будет шестнадцать, радовалась и ждала момента, когда маменька ей позволит появиться на местном балу или у соседей. Миссис Норидж теперь была озабочена замужеством своих дочерей. Через свои связи она искала для них подходящих женихов.

Мисс Тина пока что была их гувернанткой, девочки любили ее и ни за что не отпускали, но она знала, что максимум год, и леди Норидж попросит ее уйти из Саут-Холла. Конечно, она даст девушке хорошие, отличные рекомендации, заверенные семейной печатью, но будет грустно расставаться с воспитанницами. Целых пять лет она была с ними рядом, научила всему, что знала сама и научилась от них многому. Оливия и Элизабет выросли в хорошеньких девушек, очень были похожи друг на друга. Правда, по характеру Оливия была рассудительной. Элиза же являла собой эмоциональную особу, порой ее эмоциональность доходила до глупости.

Оливия и мисс Тина упражнялись игрой на фортепьяно в малой гостиной, когда Элиза с восторженным возгласом влетела в комнату.

– У меня потрясающая новость! Через месяц мы едем во Францию!

– Во Францию?! – Оливия просияла, – А куда? Для чего мы едем туда?

– Матушка сказала, что в Бретани живет один ее дальний родственник, некий господин Модегри, которому она написала полгода назад. А, вчера от него пришло письмо, в коем он приглашает нас погостить у него в поместье!

– Прекрасно! Мисс Тина, мы поедem во Францию! И вы с нами! Мы с Элизой попросим маменьку о вас. О, Франция! Говорят, она красива и живописна. Как хорошо, что мы учили французский!

– Да, но вам нужно еще упражняться, дорогие мои мисс, иначе молодые французы не поймут вас, а это будет досадно для таких красавиц, – шутливо сказала Тина.

– Но вы же будете нам помогать? – взмолилась Элиза и взяла гувернантку за руки.

– Разумеется, мисс Элиза. А, что мне еще остается?

– Представьте только, если в меня влюбится молодой француз! – рассмеялась Элизабет.

– В тебя, скорее всего, Лиз: ведь, французы обожают легкомысленных девушек.

– Мисс Нолтон, Оливия считает меня легкомысленной. Как несправедливо!

– Девочки, сегодня не ссориться.

Леди Норидж позвала Тину с собой во Францию. Отчасти по просьбе дочерей, отчасти по некой к ней привязанности. Но правда крылась в том, что мать разучилась общаться с дочерьми без посредничества мисс Нолтон. Отдав девочек в руки гувернантки, она забыла о материнских чувствах. Именно поэтому она до сих пор не отпускала Тину, и собиралась оставить ее до замужества дочерей. Так миссис Норидж ей и сказала, пока они перебирались во Францию через Ла-Манш.

Семью Норидж без лорда (он остался в Лондоне этим летом) высадили в порту Бреста, а там они пересели на нанятый экипаж, на нем они за день добрались до Кемпера.

По дороге леди Норидж рассказывала о Модегри.

– Господин Модегри мне приходится троюродным кузеном, девочки. Я виделась с ним один раз и совсем не помню его лица, – говорила она.

– Маменька, вы отлично владеете французским, – заметила Оливия.

– Я стараюсь оттачивать свое мастерство, и вам советую делать то же самое.

– Вы знаете, девочки, что в Бретани любимый инструмент волынка, как у шотландцев? – сказала Тина.

– Как интересно! – захлопала в ладоши Элиза.

– Да, у них есть с нами что-то общее...

Усталые женщины, добравшись до Кемпера, решили отдохнуть в гостинице, а утром продолжить путь до поместья Модегри.

Усадьба господина де Модегри имела вполне приличный вид, а природа вокруг ласкала взгляд. Светлый дом в три этажа с огромными окнами, перед домом пруд, позади парк с разветвленными аллеями. Солнце весело освещало равнины и холмы, играло с молодой листвой и теребило яркие соцветия ранних цветов. Господин де Модегри оказался человеком пятидесяти лет, чуть больше или чуть меньше, точно никто не знал. Приятной наружности, но не высок ростом, лицо его мягко улыбалось, играя ямочками на щеках. У него имелись дети, но они в данный момент в Париже: дочь была замужем, сын служил в офицерах.

Рядом с комнатами Оливии и Элизы находилась небольшая комната для прислуги, туда и поселили Тину. Распаковав все свои четыре платья, Тина развешала их в шкафу. Затем, отправилась помогать своим воспитанницам, снова делящих гардероб. Она слышала их крики. Что за девчонки? Вспоминая себя и Молли в этом юном возрасте, Тина заметила, что их отношения были примером мира и согласия: а чтобы делить платья и белье – об этом вообще не могло быть речи.

Вечером в гостиной миссис Норидж выразила господину Модегри надежду, что они не проведут в поместье все восемь недель в полном уединении. Тот согласился с родственницей, что это было бы пыткой и для него, так любящего общество. Девочки, не поняв быструю речь Модегри, попросили Тину перевести его слова. Она ответила, что господин Модегри ждет сюда через неделю или две общество, которое он часто принимает в поместье, а также навещает их.

– Там будут молодые люди? – поинтересовалась невинно Элиза.

– Надеюсь, что появятся, – ответил ей по-английски Модегри, но так ломано, что Элиза чуть было не рассмеялась.

Тине нравилось поместье, а девочки были в восторге от новизны. Хозяин поместья являл собой само радушие и доброту. Сравнивая его с лордом Нориджем, Тина не могла не отметить, что Модегри выигрывает в сравнении. Через две недели под обаянием родственника смягчила свой нрав и сама леди Норидж. Она стала уступчивее, чаще улыбалась и говорила спокойно без высокомерия. Сама природа располагала к радости: лето стояло солнечное, жаркое, а о туманах Англии вовсе было забыто.

Вскоре, приехали гости господина де Модегри. Глядя во двор из окна своей комнатки, Тина насчитала пять экипажей и трех всадников. Видимо, визитеры совершали тур по поместьям все лето и держали путь из соседнего.

Глава 5

Высшее общество леди Норидж всегда было для Тины Нолтон явлением недостижимым и объектом для девушки безразличным. За годы службы у леди она насмотрелась на множество вечеров с сияющими драгоценностями и атласом дамами и с мужчинами во фраках, и научилась воспринимать их, как что-то одно общее, ни на ком не задерживая внимания. Правда, все они казались ей одинаковыми и малоинтересными. Впрочем, если бы ей довелось с ними общаться, быть может, мнение мисс Нолтон изменилось бы.

Общество у господина Модегри было несколько иным и состояло из людей разных по положению и происхождению. В их обхождении мисс Нолтон не заметила ни снобизма, ни ханжества. Кроме одного семейства, также состоящего из матери и двух дочерей: мадам де Савиньон, Клер и Мари. Троица постоянно кичилась своим старинным родом, который, чуть было, не сжила со свету революция 1789 года.

Часто, в общем собрании Тина сидела где-нибудь с краю, чтобы меньше попадаться на глаза, но девочки требовали переводить некоторые фразы, и в итоге она не избежала внимания некоторых лиц и общения с ними. Например, граф и графиня де Бове без высокомерия, с особой любезностью говорили с ней, расспрашивали об ее профессии. А, господин де Морпа общался с мисс Тиной, чтобы сблизиться с Оливией. Молодой человек на взгляд Тины был очень легкомыслен и говорлив, но Оливии он приглянулся.

Постепенно пелена перед глазами Тины спала, она свободно и непринужденно отвечала на любые вопросы, и смотрела на всех смелее, правда ни на ком не останавливала взгляд. Гости Модегри не всегда проводили время вместе, имея обыкновение разбиваться на группы, пары или троицы.

Господин де Гонсак, военный офицер средних лет являлся громогласным, резковатым, но добрым малым, и иной раз подсаживался к мисс Нолтон и молодой чете из Бордо Луи и Органс. И когда он громко возмущался тому, что женщинам приходится работать, Тине становилось неудобно и за него, и за себя. Все улыбались его словам: «Будь моя воля, я бы сделал так, чтобы ни одна женщина не работала на Земле!»

– И что бы тогда было, любезный Гонсак? – интересовался его друг, имя которого Тина не запомнила.

– Дамы занимались бы исключительно своими прямыми обязанностями: домом и семьей! – ответил Гонсак.

– У вас не хватило бы ни сил, ни средств, – заметила ему веселая мадам Жаме.

– О да, я не Бог, – сетовал он, приглаживая свои рыжеватые усы. Тина мягко ему улыбалась, а Гонсак продолжил рассказывать военные байки, смешившие даже мадам Савиньон, которая устаивала их своим вниманием.

Миссис Норидж не нравилось, что господин де Морпа уделяет столь много времени общению с ее старшей дочерью, поэтому она потребовала от мисс Тины должного контроля за парочкой. В свою очередь Тина взяла слово с Оливии, что с Морпа она будет встречаться при свидетелях, либо только в салоне. Та согласилась, заметив, как господин Морпа мягок в общении, обходителен и весел, он настоящий джентльмен хоть и француз.

Однажды, после полудня Оливия вошла к Тине с покрасневшими щеками и блестящими глазами.

– Дорогая мисс Тина, вы должны пойти со мной. Мистер Морпа позвал меня прогуляться в парк.

– Конечно, мисс Оливия. Я только шляпку надену.

Оливия и Морпа шли впереди, Тина позади, немного отстав. Заметив скамью в тени, под широким дубом, Тина оставила пару, уверенная в девушке как в самой себе. Она открыла

книжку на закладке, углубилась в чтение, иногда бросая взгляд на аллею. Молодой человек и Оливия не уходили далеко, до нее доносились обрывки их бурного обсуждения какой-то темы. Тина улыбнулась, радуясь за свою воспитанницу, но, надеясь, что девушка не увлечется сильно, ибо шансы у мистера Морпа были малы, мягко говоря. Француз, без титула и огромного состояния не нужен Нориджам.

Пока Тина размышляла о чувствах Оливии, то не заметила, что по другой дорожке кто-то идет. Их оказалось четверо: то был громогласный Гонсак, рядом с ним шел некий господин де Корби... или Корбины, Тина точно не помнила; двое остальных – чета Бове, пожилые аристократы, но довольно жизнелюбивы и благодущны. Проходя мимо, все четверо поприветствовали ее, поинтересовались, что она так увлеченно читает и отчего сидит одна.

– Я вовсе не одна, – ответила Тина, – неподалеку прогуливаются моя воспитанница и господин де Морпа. Но, даже, если б у меня не было компании, я не скучала бы.

– Вы любите одиночество, мадемуазель? – спросил друг Гонсака, пристально разглядывая девушку. Тину смутил его прямой вопрос и такой же взгляд, но она ответила ему:

– Нет, не люблю, но и не страдаю от него, сударь.

– Вы еще молоды, чтобы сидеть в одиночестве! – пробасил Гонсак, – идемте лучше с нами, мадемуазель!

– О, благодарю вас, господин Гонсак, но я должна остаться с Оливией.

– Вы присматриваете за влюбленными?

– Я исполняю свой долг.

– Что ж, не будем вам мешать исполнять свой долг, мадемуазель Нолтонь, а мы еще погуляем. Корбины, идем же!... Сегодня я собираюсь охмурить мадемуазель Клер де Савиньон..., – такие слова доносились до ушей Тины из уст Гонсака, – ты не находишь ее прелестной девицей?

– Не буду спорить, дорогой друг, но она эгоистична и пуста.

– Но ее великолепные льняные волосы и прекрасные глаза все окупят...

Тина привыкла вставать рано утром, но это не входило в привычку Оливии и Элизабет. Удивленная ранним пташкам, и обрадованная Тина разлила утренний чай в три чашки. Остальные еще спали, стояла звенящая тишина, только птички пели за окном и манили трелями в сад.

– Девочки, я в недоумении: что побудило вас встать в такую рань?

– Мы идем на прогулку с сестрами Савиньон, – ответила Элизабет.

– Обязательно в такое время?

– Конечно! Иначе, наши матушки опять заставят сидеть подле них. Скучотища!

– Совершенно верно, – согласилась Оливия, – и потом, утром такая свежесть, и она не такая губительная, как в Англии.

– С этим и я согласна.

– Вы можете пойти с нами, мисс Тина.

– Спасибо за приглашение, никак не могу отказаться.

Девицы Савиньон действительно появились, выпили чай с круассанами. Потом все отправились в парк. Девушки в силу своей юности играли в подвижные игры, резвились, смеялись. Тина, сидя на скамье, наблюдала за их играми, но больше всего любовалась природой. Прочитав две страницы из книги, она закрыла ее, положила на колени и смежила веки. Набрав упоительного воздуха в легкие, девушка наслаждалась гудением просыпающейся природы.

Неподалеку послышались шаги. Тина точно знала, что принадлежат они не девочкам, слишком тяжело скрежетал гравий, и совсем с другой стороны. Тина открыла глаза: в нескольких шагах от нее стоял господин де Корбины, смотрел он в их сторону, заложив руки за спину.

Девушка, конечно, смутилась его появлению, но за кем он так пристально наблюдает: неужели за Клер де Савиньон? Она вспомнила разговор Гонсака и Корбиньи, в результате не нашла оснований для такого предположения, но, быть может, он изменил свои чувства к девушке. Тина обернулась к девочкам, чтобы рассмотреть Клер. Клер де Савиньон – богатая невеста на выданье, не обделенная классической красотой: высокая, белокожая, с точеной фигуркой и белыми волосами, ну и, разумеется, нельзя забывать прекрасное лицо.

Пока Тина разглядывала юную француженку, к ней приблизился господин де Корбиньи. Его голос раздался рядом:

– Доброе утро, мадемуазель.

Она встрепенулась от неожиданности и выронила книгу. Корбиньи подобрал ее, повертел, изучая обложку, и вернул владелице.

– О, благодарю, мсье, – сказала Тина по-французски.

– Опять вы читаете в одиночестве. Я смотрю, вы ранние птахи.

– Я всегда рано встаю, что совсем не в привычке для воспитанниц, резвящихся у меня за спиной.

– Я думал, что один такой – любитель совершать ранние утренние прогулки.

– Живя в «Саут-холле», я часто, почти каждый день, выходила в утренний сад, когда солнце еще не трогало землю своим дыханием.

– Верно, вы очень любите природу?

– Да, очень. Я посещала Лондон с Нориджами и не увидела в той жизни никакой прелести.

– Значит, вы не городская жительница?

– Нет-нет, природа мне ближе.

– Весьма похвально для молодой мисс.

– Благодарю, хоть я и не заслужила похвалы.

В это время, заметив Корбиньи, подошла Клер. Она начала лепетать, как ребенок, порхать кокетливо ресницами и нести пустой вздор. С любезной улыбкой выслушал Корбиньи все, что она сказала, а затем откланялся. Как только он повернулся к ней спиной, Клер изменилась в лице и высокомерно взглянула на Тину. Та, в свою очередь, следила за удаляющимся Корбиньи. Вернувшись к девочкам, Клер громко произнесла: «Не понимаю, о чем мог разговаривать так долго господин де Корбиньи с какой-то гувернанткой? У нее такие скучные платья, хоть вой от тоски...» Сестра Клер согласно кивнула, а Оливия переменяла тему.

Тина пропустила мимо ушей уколы девчонки, но поняла, что Клер неравнодушен господин Корбиньи. И что она нашла в нем? Выразительные глаза или мужественный рот?

В гостиную внимания капризной Клер Савиньон добивался господин Гонсак, но он в итоге терпел поражение. Все, чего он смог добиться от нее – это насмешки и намеки на его возраст. Ему было вдвойне досадно, так как милая сердцеедка сюсюкала с Корбиньи, который едва ли взглянул в ее сторону хоть раз. Мадам де Савиньон, заметив увлечение своей дочери, старалась поддержать девочку и помочь той, вызывала Корбиньи на долгую беседу. Но тот старался говорить лаконично, а порой загадочно, и Савиньоны не понимали, что господин де Корбиньи хочет сказать той или иной фразой. Тогда они оставляли его в покое. Впрочем, с остальными дамами господин де Корбиньи вел себя вполне любезно. Тина заметила, что он часто беседует с ее патронессой миссис Норидж. Однажды, гуляя в парке, она встретила их вдвоем. Они шли ей навстречу. Леди Норидж улыбнулась, а Корбиньи чуть склонил голову. Тина не придавала этой встрече никакого значения. Она нашла первую попавшуюся скамью в тени, села и раскрыла книгу.

Через четверть часа вернулся господин де Корбиньи. Попросив разрешения, он сел рядом, долго ничего не говорил, но начал так:

– Вы долго служите у леди Норидж?

– Да, – ответила Тина первое, что пришло в голову, ибо она не ожидала такого вопроса, – уже пять лет.

– Вы довольно молоды для... – он оборвал фразу, – я хотел спросить, вы любите детей?

– Странный вопрос, мсье. Любая женщина должна любить детей.

– Но не каждая любит. Ваши воспитанницы довольно взрослые, вскоре вы им будете не нужны.

– Я не понимаю, господин де Корбиньи, к чему этот разговор?

– Я хочу сделать вам одно стоящее предложение.

– Какое предложение? – она решительно ничего не понимала.

– Леди Норидж не против этого, я с ней говорил на эту тему.

– Объяснитесь, пожалуйста, – пальцы Тина похолодели.

– Я пойму вас, мадемуазель Нолтон, если вы не согласитесь: все-таки чужая страна, чужие люди, но я надеюсь, что вы примите предложение работать у меня.

– О! Конечно нет! – вскочила Тина, как ошпаренная, – я не могу бросить девочек леди Норидж!

– Ваше жалование будет увеличено вдвое, мисс. Девочки леди Норидж совсем взрослые, а она сама заверила меня, что ваши услуги ей больше не нужны.

– Я вам не верю.

– Ваша преданность похвальна, мисс.

– Я сейчас же поговорю с леди Норидж! Будьте любезны ответить мне, где она?

– Отдыхает в своей комнате.

– Прошу меня простить, но я оставляю вас, сэр, – сказала девушка по-английски, несмотря на то понимал Корбиньи этот язык или нет. Но он встал и поклоном головы выразил прощание.

Тина почти бегом направилась в дом по аллее, провожаемая взглядом Корбиньи. Поднявшись по лестнице, она сразу устремилась к покоям леди Норидж. Камеристка впустила ее. Леди Норидж полулежала на софе и что-то читала. Подняв глаза, она увидела перед собой взволнованную гувернантку, в глазах которой стояли слезы.

– Что с вами приключилось, мисс Нолтон? Никогда не видела вас такой.

– Я в недоумении, миссис Норидж!

– Можете сесть, мисс. В чем дело?

– Со мной только что разговаривал господин де Корбиньи! Он привел меня в такое волнение, что я до сих пор не приду в себя. Значат ли его слова что-нибудь? Я вам более не нужна?

– Ах, вот вы, о чем? Ну, мисс Нолтон, когда-нибудь расставание должно было случиться. Я бы сама еще повременила, но господин Корбиньи был очень настойчив: он хочет, чтобы вы были гувернанткой при его сыне.

– И вы сразу согласились?

– А что? Господин де Корбиньи граф, весьма интеллигентен и джентльмен не хуже англичанина.

– Вы не оставляете мне выбора, сударыня?

– Мисс Нолтон, лучшую замену вам не найти, зная все ваши привычки и ваш характер, – твердо проговорила леди Норидж, – Поверьте, мне будет жаль расстаться с вами сейчас, ибо я ждала, пока выдам дочерей замуж, но лорд Норидж не оценит моего великодушия, и вы могли бы продержаться у нас максимум полгода.

– Хорошо, я должна предупредить молодых леди о своем уходе.

– Да, сделайте это сами, так будет лучше... И мисс Нолтон, рекомендательное письмо я вам напишу, на всякий случай.

– Благодарю, миссис Норидж.

Глава 6

Новость для Оливии и Элизабет была ошеломительная. Они долго не могли поверить Тине, но уступили, увидев слезы в ее глазах. Оливия решила отговорить господина де Корбиньи. С этим намерением все трое вышли в парк после обеденного сна. Некоторые из гостей вышли на прогулку, и девушки надеялись найти среди них Корбиньи. Да, он был здесь, но около него порхала Клер де Савиньон, поэтому Тина отказалась к нему подходить. Оливии все-таки удалось с помощью господина Морпа увести Корбиньи от группы. Нагнав Тину и Элизабет, Оливия поблагодарила господина Морпа за содействие и попросила принести зонтик от солнца, так как она оставила его в комнате. Итак, пока Морпа исполнял важное поручение, Оливия могла поговорить с господином де Корбиньи наедине, хотя Элизабет и мисс Тина слышали весь разговор.

– Вот, господин де Корбиньи, оказалось вы тихий интриган? – начала она серьезно шутливым тоном, – не удивляйтесь, мисс Тина нам все рассказала. Но мы так просто не отдадим нашу гувернантку!

– Я рад, что мисс Тина так ценится вами, мисс Норидж.

– Да, конечно, господин де Корбиньи.

– Перейдем на английский язык, мисс Норидж, ибо я вас плохо понимаю.

– О! Хорошо! Вот видите, рано мисс Тине покидать нас, мой французский совсем плох.

– Упражняйтесь во французском, мисс Оливия, вы можете без гувернантки.

– Вы уверены?! А, вы не боитесь, что вашему сыну не понравится мисс Нолтон? Что вы будете тогда делать?

– Я все обдумал, мисс, и во всем почти уверен, – он ответил таким мрачным голосом, что Тина позволила себе развернуться и взглянуть в его лицо, непроницаемое и нахмуренное.

– Смущает ваше «почти», – сказала она, – Оправдаю ли я ваши ожидания? Вы меня совсем не знаете.

– Мне достаточно рекомендаций леди Норидж и лицемерия ваших милых воспитанниц, вполне образованных и добродетельных.

– Вы делаете мне комплимент, мсье? – задавая столь нескромный вопрос, Тина смотрела в глаза господина де Корбиньи, и как ценитель человеческих характеров заметила, что он смутился. От этого открытия она и сама смутилась. Тут подоспел Морпа, на нем разговор оборвался, тем более стало ясно, что Корбиньи не изменит своему решению.

Последняя неделя в поместье Модегри прошла быстро. Расставание с ученицами оказалось печальным: девочки, садясь в экипаж с матерью, плакали и заверили, что будут писать ей регулярно. Леди Норидж пожелала Тине удачи в жизни, поблагодарила за услуги. Так завершилась еще одна глава в жизни мисс Тины Нолтон. Она глубоко вздохнула и вернулась в дом.

Через день уезжала и она из Модегри: все вещи вместе с рекомендательным письмом были упакованы, оставалось дожидаться сопровождаителя из поместья Корбиньи. Сам мсье де Корбиньи хотел остаться у Модегри еще неделю или две.

Следующий день Тина предпочла провести в одиночестве, скучая по юным леди и их шуткам. «Что ждет меня у мсье де Корбиньи? Каков окажется мой воспитанник?» – такие мысли бродили у девушки в голове, когда она прогуливалась по парку. Наслаждаться одиночеством Тине долго не пришлось. Вскоре, к ней присоединился граф и графиня де Бове, которые были очень удивлены поворотом судьбы молодой учительницы. Затем, их сменили Гонсак и девицы Савиньон. Клер и Мари недружелюбно поглядывали на мисс Нолтон и шепотом обсуждали ее глухое темно-коричневое платье без тени привлекательности. Мсье Гонсак поздравил Тину с новым местом работы, но при этом добавил:

– Хм, мисс Нолтонь, знайте, что у мсье де Корбиньи сложный, нелегкий характер. Подчас вы не будете понимать своего патрона, но есть у Корбиньи одно немаловажное качество – он очень великодушен.

– Благодарю вас за предупреждение, но думаю для меня важнее характер воспитанника. Будем ли мы понимать друг друга – вот что беспокоит меня.

– Конечно, мисс Нолтонь.

Вечером, после ужина Тина вновь вышла побродить по скверикам. Навстречу ей попался мсье де Корбиньи. Он присоединился к теперь уже своей работнице.

– Мисс Нолтон, скучаете по молодым леди?

– Да, очень скучаю.

– Вы не будете против того, чтобы я присоединился к вам?

– Разумеется, нет.

– Приехал мой доезжащий Огюстен, завтра вы поедете вместе в Ланьон, там находится мое поместье. Прежде чем вы уедете, мисс Тина, я хотел бы немного рассказать о своем сыне, – он нахмурился.

– Я внимательно вас слушаю, мсье, ибо, кроме того, что у мальчика нет матери, мне больше ничего не известно.

– Люсьен малоразговорчив с родными, а с чужими совсем не хочет говорить. За год я сменил трех гувернеров, причем двое из них ушли сами, не добившись никаких результатов. Третьего я выгнал, так как сын сказал, что тот бьет его по затылку. Я не допущу побоев со стороны воспитателя, тем более Люсьен не вполне здоров.

– Что с ним? – спросила Тина, когда Корбиньи замолчал.

– Он не может ходить.

– Ох! – только и смогла издать Тина.

– Надеюсь, вас не испугает эта правда? Я не поверю, что вы из пугливых, малодушных натур.

– Признаюсь, я не ожидала услышать столь грустный факт. Видимо, вы считаете, что я чего-нибудь добьюсь, господин де Корбиньи?

– Мне посоветовали нанять гувернантку, чтобы мальчик почувствовал женское участие в своей судьбе. У него есть няня, но та занимается исключительно физическими проблемами Люсьена, и у Салли нет той толики ума, что присутствует в вас.

– Спасибо за доверие. Я постараюсь, мсье.

– Вы не разочарованы? Ведь, бывшие ваши воспитанницы были особами здоровыми и жизнелюбивыми.

– Да, юные леди обычные девочки, ничем не отличающиеся от остальных леди их круга. Вы должны знать, что я никогда не занималась мальчиками. Спасибо, что все объяснили мне, мсье де Корбиньи. Некоторые вопросы отпали сами собой, но могут появиться новые. А, сейчас позвольте оставить вас, я должна собраться.

Глава 7

Рано утром, попрощавшись с мсье де Модегри, Тина села в карету Корбиньи. Сопровождающий девушку Огюстен примостился рядом с кучером. Оба были в ливреях, показывающих положение своего патрона. Они обещали довести ее до поместья Корбиньи за один день.

Поздно вечером, когда стемнело, слева показались огни дворца. Утомленная сонная Тина с облегчением вздохнула и вспомнила, что давно не ела. Карета въехала на задний двор. С фонарем в руке их встретила женщина, которая представилась экономкой господина де Корбиньи. Поднеся фонарь к лицу девушки, экономка довольно кивнула и крикнула лакеям, чтобы те отнесли багаж в комнату гувернантки, а Тине приказала следовать за ней. Комната размещалась недалеко от господских апартаментов, рядом с комнатой мальчика. «Чтобы вам было удобнее, – добавила экономка мадам Мерсье, перед этим описав все удобства комнаты, – Патрон в письме подробно написал, где вы должны жить». Она зажгла свечу и, пожелав спокойной ночи, ушла. Разглядывая темную комнату, Тина вспомнила о голоде, но отчего-то ужин не был предложен. Наверное, здесь не принято поздно ужинать. Пришлось ложиться спать с пустым желудком.

Под утро Тину разбудила яростная гроза. Были слышны беспокойное ржание лошадей, кудахтанье кур, возмущение гусей. Девушка, накинув ночной капот, вышла из комнаты и направилась искать кухню. Судя по запахам, готовился завтрак. На кухне хозяйничали две женщины-кухарки. Они радушно пригласили Тину войти, сесть за стол и позавтракать. Она была очень им благодарна, ибо желудок все больше возмущался от голода. Кухарки представились Анной и Людовиной, обе были старше Тины, особенно полная Анна.

Гроза утихла через полчаса, женщины облегченно вздохнули и перекрестились. Чуть позже вошли две горничные Нинон и Пьеретт, в большей степени являющиеся сверстницами Тины. Девушки много расспрашивали об Англии, о прошлых хозяевах, о том, как ее нашел мсье де Корбиньи. В это же время на кухне появилась экономка мадам Мерсье и, услышав о хозяйине, переспросила у Тины все подробности. Но перед тем отправила горничных работать.

– Как спалось на новом месте? Верно, вас разбудила гроза?

– Да.

– Меня тоже, но я привела себя в порядок в отличие от вас, мадемуазель Нолтон.

– Думаю, если бы вчера мне предложили ужин, я бы не позволила себе неопрятность, мадам, – Тина, поблагодарив Анну за завтрак, направилась к выходу.

– Вам еще предстоит знакомство с мсье Люсьеном, – понеслось ей вдогонку.

Через час она сама постучала в комнату младшего Корбиньи. Ее местонахождение Тина узнала от горничной. Женский голос крикнул: «Войдите!» Няня Люсьена была женщиной здоровой и крепкой, чуть полноватой, ей было около сорока лет. Мальчиком она занималась с самого рождения, вскормив его грудью, как собственного ребенка. Тогда у графини совсем не было молока. Все эти подробности Тина узнала, пока пыталась вызвать мальчика на контакт. Но тот сидел неподвижно в своем кресле, уставившись в пол. «Он так со всеми», – пожалала плечами нянька, встретив вопросительный взгляд гувернантки.

– А с вами?

– Со мной он разговаривает, но мало.

– И с господином Корбиньи?

– Да. Не знаю, отчего хозяин решил, что вы найдете с его сыном общий язык. К нему приезжали такие опытные учителя!

– Мальчик замкнут с рождения?

– После несчастья, случившегося с мадам де Корбиньи.

– Вот как?

– Хозяин вам ничего не рассказал?

– Он не вдавался в такие подробности, – задумчиво произнесла Тина, а затем снова обратилась к мальчику, присев перед ним на корточки, чтобы их глаза оказались на одном уровне, – Люсьен, ты умеешь рисовать? Нарисуй, пожалуйста, для меня что-нибудь, а завтра я посмотрю.

Оставив мальчику бумагу и карандаши, Тина ушла. Она решила прогуляться, изучить окрестности. Неподалеку шумело море, девушка направилась на морской голос. После рощи невысоких деревьев начиналась равнина плато, на котором практически стояло поместье «Ланьон», плато постепенно переходило в длинную береговую линию, но чтобы добраться до моря, нужно было пройти немало миль. Тина не стала далеко заходить в первый день пребывания здесь, она просто любовалась на бушующее море с высоты утеса. Дул сильный ветер, а море имело темно-синий цвет лазурита. Девушка улыбнулась, вспомнив, что у Нориджей тоже имелся выход к морю, но только намного дальше от поместья. Ей редко удавалось съездить к берегу и полюбоваться на водную стихию, которая рождала в ее душе благоговейный трепет.

За две недели Тина слегка изменила образ жизни Люсьена. Она, благодаря своей твердости и терпению, заставила Салли выводить мальчика на прогулку два-три раза в день. На природе Тина просила воспитанника нарисовать то, что он видит, то, что ему понравилось. И так как часто они сидели на утесе и любовались морем, оно присутствовало в каждом его произведении. Тина добилась от Люсьена ответов «да и нет» или «не знаю», но настойчиво разговаривала с ним, как с равным по возрасту. Мальчик внешностью был схож с мсье де Корбиньи, хотя голубые глаза достались ему от матери. Дворецкий Симон показал однажды девушке портрет мадам де Корбиньи: она нашла его удачным, дама на портрете была весьма грациозна и красива, тонкие черты лица, голубые глаза, маленькие рот и нос, светло-русые букли по бокам, обнаженные, женственные плечи, круглые локти. Вообще, господин де Корбиньи, скорее всего, переживает до сих пор потерю такой женщины.

Господин де Корбиньи вернулся домой утром. Тина слышала шум во дворе, ее окно выходило туда. Закончив укладывать волосы, она подошла к окну: во дворе лакеи крутились вокруг кареты, из которой вышел мужчина в цилиндре и с тростью в руке. Тина признала в нем хозяина «Ланьона». Через несколько минут к ней постучалась мадам Мерсье и сообщила о приезде патрона, а также попросила спуститься Тину вниз для приветствия с ним. «Мы вас ждем, вся прислуга уже в сборе», – добавила экономка, уходя.

Первым в линейке стоял, вытянувшись, что солдат, дворецкий Симон; за ним – экономка Мерсье, рядом – Тина, а за ней – вся остальная челядь. Господин де Корбиньи снял шляпу, передал ее вместе с тростью камердинеру Жоржу, следовавшему за патроном всюду. Расспросив вкратце о делах в поместье дворецкого и экономку, Корбиньи после подошел к мисс Тине Нолтон. Она подняла глаза и скромно улыбнулась, подумав о том, как ему обрадуется сын. Корбиньи, в свою очередь, почел нужным поинтересоваться ее здоровьем, хотя вид у Тины имелся цветущий, и успехами с Люсьеном.

– Все идет хорошо, но предстоит много работы, мсье, – ответила она по-французски, привыкнув разговаривать на нем, – ваш сын очень милый мальчик, но раним и чувствителен.

– Я рад, что Люсьен вам понравился, – больше к этому он ничего не добавил, распустил слуг, а сам изволил подняться в свои покои отдыхать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.